

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА, К. А. ОСИПОВА

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ
ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИИ

(Постановка проблемы)

Своеобразие общественного строя Византии в сравнении с средневековым Западом и Востоком всегда интересовало исследователей. Наличие бросающихся в глаза отличительных черт общественных отношений Византии от других стран средневекового мира породило во многом иллюзорное представление о какой-то особой исключительности Византийской империи. Частное, специфическое заслоняло иногда общее, закономерное в социально-экономическом развитии Византии. Логическим завершением гипертрофирования специфики общественного строя империи явилось отрицание, полное или частичное, существования феодализма в Византии. Преувеличивая своеобразие, зачастую чисто внешнее, общественных отношений империи, некоторые ученые трактовали Византию как страну, якобы не знавшую феодализма¹.

По вопросу о наличии или отсутствии феодализма в Византии, как известно, велись острые дискуссии на международных конгрессах византистов; ученые многих стран разделились на сторонников и противников признания феодализма в Византии, на «феодалистов» и «антифеодалистов»².

Против существования феодализма в Византии, как известно, особенно решительно выступил глава французских византистов П. Лемерль. В общественной структуре Византии Лемерль выдвигает на первый план черты этатизма, распространение централизованных форм прикрепления тружеников к земле, сохранение унаследованной от Рима фискальной системы. В X—XI вв., когда, как считают многие ученые, феодализм окончательно победил в Византии, по мнению П. Лемерля, наоборот, усилился натиск государства на крестьян. Такие категории византийского крестьянства, как стратиоты, димосиарии и экскуссаты лично, а не через посредство сельского коллектива, зависели от государства и его чиновников³. Пронию, появление которой он датирует XII в. и которую не считает военным держанием, П. Лемерль не относит к фактам, свидетельствующим о феодализации империи. Крупная земельная собствен-

¹ А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1959). — ВВ, XXII, 1963, стр. 127—198; К. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine — une mise au point sur les diverses discussions. — Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences, vol. 5—6, 1965.

² З. В. Удальцова. XII Международный конгресс византистов в Охриде. — ВВ, XXII, 1963, стр. 280—297; К. Wathanabe. Einige Notizen über der XII. Internationalen Byzantinistenkongress. — Hitotsubashi Journal of Economics, III, 1962, № 1, S. 73—82.

³ P. Lemerle. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes. — Cahiers de civilisation médiévale, 1959, № 3, p. 265—281; *idem*. Rapport complémentaire. — Actes du XIIe Congrès International d'études Byzantines. Ochride, 10—16 Septembre 1961, t. I. Beograd, 1963, p. 275—284; *idem*. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. — Revue historique, t. 219, 1957, p. 32—74, 254—284; t. 220, 1958, p. 43—94; см. рец. А. П. Каждана: ВВ, XVI, 1958, стр. 92—113.

ность, по его мнению, хотя и существовала, но развивалась крайне медленно, и общество XI в., описанное в «Стратегиконе» Кекавмена, было еще далеко от феодализма⁴.

С «антифеодальной» концепцией исторического развития Византии солидаризировался и Л. Райбо⁵.

Известный греческий ученый Д. Закитинос соглашался с А. А. Васильевым в том, что понятие «феодализм» приложимо лишь к Западной Европе, но не к Византии⁶.

Основной концепции отрицания феодализма в Византии зачастую служит теория континуитета, согласно которой Византийская империя предстает как образец непрерывного сохранения греко-римских начал в средневековом обществе. Непризнание наличия феодализма в Византии связывается у адептов этой теории с представлением о постоянном существовании в Византии свободной мелкой крестьянской собственности, как опоры императорской власти и централизованного государства, о господстве римской частной собственности и римского права во всех сферах общественной жизни⁷. Большинство сторонников континуитета, понимая под феодализмом совокупность политических и правовых отношений и связывая его с децентрализацией и рассеянием суверенитета, делает из этого вывод, что феодализм был лишь западноевропейским феноменом. В Византии же, где непрерывно продолжали существовать основные институты Поздней Римской империи — императорская власть, частная собственность на землю, римское право и греко-римская образованность, феодализм, по их мнению, или совсем не развивался или был привнесен извне, из Западной Европы в период латинского завоевания империи⁸. Защитники концепции континуитета отрицают наличие цезуры между позднеантичным обществом и средневековой Византией и подчеркивают идею преемственности как в области аграрных отношений, так и в развитии городов и культуры. Византия в представлении этих исследователей выглядит как островок греко-римской цивилизации, в течение всего средневековья противостоящей феодальному миру⁹.

⁴ P. Lemerle. *Prolegomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récrets» de Kékauménos.* — Académie Royale de Belgique. Classe des lettres. Mémoires, t. 54. Bruxelles, 1960; см. Г. Г. Литаверин. Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? — ВО, 1961, стр. 217—240; *его же*. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972, стр. 5—115.

⁵ L. P. Raybaud. *Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues.* Paris, 1968, p. 293.

⁶ D. A. Zakythinos. *Le processus de féodalisation.* — «Hellenisme contemporain», 2, 1948, p. 449—534; A. Vasiliev. *On the Question of Byzantine feudalism.* — Byz., VIII, 1933, p. 584—604; *idem*. *History of the Byzantine Empire.* Madison, 1952, p. 536—579.

⁷ N. Svoronos. *Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation.* — Annales, 1956, № 3; *idem*. *Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles; le cadastre de Thèbes.* — BCH, 83, 1959; *idem*. *Société et organisation intérieure dans l'empire byzantin au XIe siècle, les principaux problèmes.* — Proceedings of the XIIIth International Congress of byzantine studies. London, 1967; I. Karayannopoulos. Рец. на кн.: G. Ostrogorskij. *Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine.* Bruxelles, 1956. — BZ, 50, 1957.

⁸ Д. Закитинос допускает, что феодализм мог быть привнесен с запада в отдельные области империи, в частности в Морю; см. D. A. Zakythinos. *Le Despotat grec de Morée*, vol. I, Paris, 1932; vol. II. Athènes, 1953; *idem*. *Byzanz und die europäische Einheit im Mittelalter.* — Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht, Bd. 4, 1955.

⁹ Так, например, Томас утверждает, что, несмотря на внешнее сходство развития феодализма в Византии и Меровингской Галлии, в империи были значительные отличия, выразившиеся в непрерывном существовании бюрократии и регулярной денежной налоговой системы; см. C. B. Thomas. *The Seventh century revolution. East and West.* — Classica et Mediaevalia, 28, 1969, p. 330—343. Идею континуитета в сфере культуры защищают многие ученые; см. H. Hunger. *Reich der Neue Mitte. Der christliche Geist der Byzantinischer Kultur.* Graz, Wien, Köln, 1966. Автор утверждает, что, несмотря на распространение христианства, даже в XIII в. в Византии было сильно влияние античной культуры; ср. D. A. Zakythinos. *Byzanz und*

Некоторые византинисты и медиэвисты Западной Европы и Америки рассматривают феодализм лишь как особую политическую надстройку децентрализованного государства. Отсюда вытекает их негативная оценка феодального строя, ибо он влечет за собой распад и ослабление государственного организма.

Для сторонников политико-юридической школы феодализм — не закономерная и прогрессивная стадия развития человеческого общества, а специфическое и притом отрицательное явление в мировой истории. Византия, по их мнению, счастливо избежала феодализма, ибо в империи всегда сохранялась сильная государственная централизация и государственная собственность, что препятствовало утверждению феодализма¹⁰.

Господствующий класс Византии трактуется ими не как класс феодалов, материальное благополучие и политическое влияние которого зиждется на феодальной поземельной собственности и эксплуатации зависимого крестьянства, но как служилый класс, представляющий различные уровни государственного бюрократического аппарата.

Особенно ярко противопоставление этатизма и феодализма в Византии проводится представителями мюнхенской школы византиноведения. Большинство исследователей этого направления ставят во главу угла в общественном развитии Византии идею Римской империи и римского императора. Глава мюнхенской школы византинистов Ф. Дэльгер, исходя из универсалистской идеи «римского императора», утверждал, что византийский василевс рассматривался якобы как единственный собственник всех земель империи. В Византии, согласно мнению Дэльгера, не существовало понятия о взаимных обязательствах сеньюров и вассалов, личных связей между ними, как в западноевропейском феодальном обществе. Как отражение этой имперской идеологии, в Византии и владения стратиотов и домены, отданные в пронию, представляли собой исключительно пожалование по милости императора. Лишь в результате крестовых походов византийский василевс был вынужден приспособливаться к обычаям западноевропейского феодального общества и рассматривать западных рыцарей как вассалов (*λιζιοι*)¹¹.

Однако Дэльгер не отвергает развитие в Византии крупной земельной собственности, которую он рассматривает как некую «субструктуру», подготовившую благоприятные условия для введения в Византии западного понятия «феодализм». В известных случаях в империи могли возникать, как и на Западе, сеньории, с доменами сеньюров и землями зависимых от них крестьян¹².

die europäische Einheit; H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959. П. Лемерль считает Византию традиционным обществом, прямым продолжением Римской империи. Византия, по его мнению, «не знает ни юности, ни дряхлости, к ней неприменим термин «упадок». Застывшее в своем величии общество Византии играет консервативную роль наследницы античного мира. Ее культура обращена в прошлое; см. P. Lemerle. La notion de décadence à propos de l'empire byzantin. — «Classicisme et déclin culturel dans l'Islam». Paris, 1957, p. 268, 270.

¹⁰ J. Danstrup. The State and Landed Property in Byzantium to c. 1250. — «Classica et Mediaevalia», 8, 1946.

¹¹ F. Dölger. Der Feudalismus in Byzanz. — «Studien zum mittelalterlichen Lebenswesen. Vorträge und Forschungen», V. Konstanz, 1960, S. 185—193; *idem*. Byzanz und das Abendland von den Kreuzzügen. — «Relazioni del X Congresso Internazionale di Science Storiche, Roma 4—11. IX, 1955», vol. III. Firenze, 1956, S. 67—112; *idem*. Παράτορά. Ettal, 1961, S. 73—106; *idem*. Die Kreuzfahrstaaten auf dem Balkan und Byzanz. — «Südost-Forschungen», Bd., 25, 1956, S. 151 f. Тезис о том, что имперская идея играла главенствующую роль в истории Византии и оказывала решающее влияние на ее внутреннюю структуру и внешнюю политику вплоть до конца существования византийского государства, развивал также О. Трейтингер; O. Treitinger. Die oströmische Kaiser — und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmstadt, 1953.

¹² F. Dölger. Zum Gebührenwesen der Byzantiner. — «Etudes dédiées à la mémoire d'André Andréadés». Athènes, 1939, S. 35—59; *idem*. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 232—260.

Продолжая и развивая идеи Ф. Дэльгера о противопоставлении эта­ тизма и феодализма в Византии, Н. Зворонос утверждал, что до эпохи Комнинов личностные связи, выраженные в клятве верности, существова­ ли лишь исключительно между императором и различными слоями обще­ ства (чиновниками, духовенством и др.). Лишь с правления «Комнинов, под влиянием Запада», византийский мир стал больше развивать личност­ ные связи, основанные на взаимности в отношениях суверена и подданных и выраженные в клятве сеньора и вассала. Однако монархическая идея в Византии никогда не была поглощена феодальными понятиями¹³.

По мнению Я. Ферлуги, вассальные отношения в Византии были при­ несены с Запада и применялись только к иностранцам. Несмотря на появ­ ление типично феодального института пронии, в Византии, как утвер­ ждает этот историк, не встречалось *homage lige*, осуществляемого гре­ ческими феодалами. Введение вассальных институтов по западноевропей­ скому образцу встречало оппозицию в Византии, где еще была сильна монархическая идея¹⁴.

Известный немецкий византист Г. Г. Бек выдвигает тезис о сосу­ ществовании и противоборстве в Византии официальной идеологии, осно­ ванной на универсалистской идее империи и императора, и идеологии неофициальной, оппозиционной по отношению к первой, нашедшей выра­ жение в народной литературе, к которой он относит и «Стратегикон» Ке­ кавмена и эпос о Дигенисе Акрите. Византийская аристократия уже осоз­ навала себя независимой в своих владениях, но оставалась подчиненной императору¹⁵.

Логическим выводом из неверного представления о феодализме как политико-юридической надстройке общества является, вольное или не­ вольное, преуменьшение развития феодальной собственности в Византии и сеньориальных форм эксплуатации. Условные формы пожалований иногда отрываются от становления в Византии феодальной собственности и формирования вотчины¹⁶.

В связи с этой общей тенденцией некоторые историки на первый план среди специфических отличий византийского общества выдвигают такие по существу второстепенные, производные, внешние черты, как отсут­ ствие развитой феодальной иерархии, полной кристаллизации вассали­ тета, феодальных дружин¹⁷. Понимание феодализма как политической и юридической надстройки приводило некоторых современных ученых даже к толкованию прогрессивности феодального общества в духе дворян­ ской историографии.

В противовес западным историкам, которые рассматривали феодализм как болезнь государственного организма, защитники этой концепции считали феодализм не синонимом упадка, а носителем прогресса. Прогрес-

¹³ N. Svoronos. Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle. — «Actes du VIe Congrès International d'études Byzantines», I. Paris, 1950, p. 191—197.

¹⁴ J. Ferluga. La ligesse dans l'Empire byzantin. — ЗРВИ, VII, 1961, p. 97—123.

¹⁵ H.-G. Beck. Vademecum des byzantinischen Aristokraten. Das sogenannte Strategikon des Kekaumenos. Graz—Wien—Köln, 1956; *idem*. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971; *idem*. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im XIV. Jahrhundert. München, 1952.

¹⁶ Французская византистка Э. Гликаци-Арвейлер, рассматривая такие институ­ ты, как солемний, харистикий, прония, апанаж, считает их по существу пожалова­ нием фиктивного права и отрывает их от пожалования поземельной собственности; см. H. Glykazi-Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles. — «Actes du XIIe Congrès International d'études Byzantines. Ochride, 10—16 septembre 1961», t. II. Beograd, 1964, p. 103—114; *eadem*. Recherches sur l'admini­ stration de l'Empire byzantin aux IXe—XIe siècles. — BCH, 84, 1960; *eadem*. La politique agraire des empereurs de Nicée. — Byz., t. XXVIII, 1958, p. 65 sq.; ср. I. W. Barker. The Problem of Apanages in Byzantium during the Palaiologan period. — «Byzantion», 3, 1971, p. 103—122.

¹⁷ H.-G. Beck. Byzantinisches Gefolgschaftswesen. — SBAW, Phil.-hist. Klasse, H.5. München, 1965.

сивным элементом феодализма в Византии, однако, для них являются не народные массы, а феодальное дворянство — архонты, сохраняющие сословный дух, понятие рыцарской чести, областные собрания¹⁸.

Другие византилисты обнаруживали более глубокое понимание сущности феодализма и признавали в Византии наличие феодального строя. Однако, преувеличивая особенности феодального развития в Византии, они рисовали империю как наиболее яркий пример резкого отклонения от общепринятого эталона феодального общества — классической модели западноевропейского феодализма¹⁹.

Для представителей этого направления в зарубежной историографии феодализм в Византии — «особый феодализм», длительное время сохраняющий родимые пятна античного общества. В этом аспекте можно признать, что видоизменением теории континуитета в известной мере является концепция автохтонного развития Византии. Некоторые исследователи, хотя и признают наличие феодализма в Византии, генетически выводят ее общественный строй непосредственно из разлагающегося рабовладельческого общества Поздней Римской империи, отрицая значение каких-либо внешних влияний, в частности, варварских завоеваний и вторжений на территорию империи иноземных племен и народов (славян, армян, арабов и других). Вся социально-экономическая история Византии рисуется как процесс длительной трансформации рабовладельческого строя, которому сопутствует крайне замедленное изживание рабовладения, сохранение античных городов-полисов как оплота рабовладельческих отношений, господство сильного централизованного государства и бюрократии, по преимуществу служилый характер господствующего класса. Социальный строй Византии при этом иногда сближается с общественными отношениями средневековой Японии, где феодализм вырос без внешних влияний, непосредственно из рабовладельческого общества, существовавшего там в чистом виде²⁰.

Пытаясь создать модель «византийского феодализма», исследователи обращаются к поискам аналогий в общественном строе Византии и других средневековых государств. Одни обнаруживали подобные аналогии в странах азиатского Востока, другие — европейского Запада.

Порою воздвигалась непроходимая грань между Византией и Западом. Византия сильно ориентализировалась, сближалась со странами Востока. Отдельные ученые не только изображают в гипертрофированном виде роль византийского государства, но и сближают его с восточными деспотиями. Они преувеличивают развитие в Византии государственной собственности на землю, государственных форм эксплуатации крестьян и централизованной ренты — налога.

В связи с увлечением ряда ученых-марксистов Запада концепцией азиатского способа производства была выдвинута гипотеза о том, что Византия являлась страной, где господствовали общественные отношения, близкие к азиатскому способу производства. Государство рассматривалось как верховный собственник всей земли империи, а император — как деспот, обладающий неограниченной властью над жизнью и смертью своих подданных. Если в Западной Европе власть монарха была ограничена правом и моралью, то в Византии, как и в странах Востока, император якобы стоял по ту сторону добра и зла, как единственный творец закона и морали. Империя управлялась разветвленным бюрократическим аппаратом, живущим на доходы от централизованной ренты²¹.

¹⁸ А. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV в. Черты феодализма в византино-сербском строе. — BS, 4, 1932, стр. 159—171.

¹⁹ К. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine, vol. 5, p. 32—40.

²⁰ Японский византист К. Ватанабэ усматривает сходство между феодализмом Византии и Японии, хотя и отмечает существующие между ними различия; см. К. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine, vol. 5, p. 32—33; vol. 6, p. 8—24.

²¹ Французская византистка Э. Антониадис-Бибику выступила против неправомерного распространения на Византию теории азиатского способа производства и

Иногда проводились малоубедительные аналогии между общественным строем Византии и средневековым Китаем. Причем «китайская модель» рисовалась своего рода эталоном восточного государства, покоящегося на всеобщем рабстве, государственной собственности и продажной бюрократии²².

Однако далеко не все исследователи в Европе и Америке признают, даже с оговорками, подобное сближение Византии с Востоком. Так, Д. Закитинос с полной определенностью констатирует общность путей развития Византии и Запада, подчеркивая, что Византия принадлежит к европейскому сообществу²³. Естественно, попытки применить к феодализму в Византии то западноевропейские мерки, то восточные эталоны обычно заканчивались неудачей. Альтернатива «Запад или Восток», искусственно созданная для Византии в современной науке, постепенно теряет своих сторонников. Все сильнее звучат голоса, доказывающие, что концепции сближения или противопоставления Византии Западу или Востоку отнюдь не взаимоисключают, а, наоборот, дополняют друг друга. Не восточный или западный путь общественного развития Византии, а изучение общего и особенного в исторических судьбах империи по сравнению со странами как Западной Европы, так и азиатского Востока — вот идея, все более и более завоевывающая умы исследователей.

В советской историографии, при наличии известных расхождений по частным вопросам, все историки единодушны в признании теории феодального развития Византии. Советские ученые понимают под термином «феодализм» особую общественно-экономическую формацию, социально-экономическим базисом которой является феодальный способ производства с присущей ему системой эксплуатации непосредственных производителей господствующим классом. Феодальный способ производства определяет характер всей политической, правовой и идеологической надстройки общества, но и сам подвергается с ее стороны постоянному воздействию. Если для многих буржуазных ученых феодализм — совокупность определенных политических институтов (сочетание вассалитета и бенефиция), наличие феодальной иерархии и личностных связей, соединяющих правовыми и морально-этическими узами сеньора и вассала, то для историков-марксистов феодализм — прежде всего определенная стадия развития производительных сил общества, связанная с преобладанием аграрной и натурально-хозяйственной экономики, господством крупной земельной собственности, основанной на эксплуатации крестьянства, которое находится в личной или поземельной зависимости от землевладельцев. Поэтому советские византилисты, изучая феодальные отношения в Византии, обратились к анализу таких глубинных процессов, как развитие производительных сил, формирование феодальной собственности, формы эксплуатации крестьянства, роль общины, воздействие государства на становление феодализма, классовая борьба народных масс²⁴. Многолетние исследования привели их к выводу о том, что феодализм отнюдь не был исключительно западноевропейским феноменом, а закономерной стадией развития

выдвинула веские аргументы в подтверждение своего мнения; см. *H. Antoniadis-Bibicou. Byzance et le mode de production asiatique.* — «La Pensée», № 129, 1966, p. 47—72.

²² Подобная точка зрения была высказана американским профессором К. В. Холлистером на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве. Холлистер ставил под сомнение наличие в Византии феодализма, ибо в империи не было развитой феодальной иерархии, вассальной армии, субинфеодации и сохранилось централизованное государство. Аналогичные явления несколько в модифицированной форме имелись и в Китае. См. *З. В. Удальцова. Генезис и типология феодализма.* — СВ, 34, 1971, стр. 19; *K. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine*, vol. 5, p. 32.

²³ Вместе с тем Д. Закитинос без достаточных оснований отрывает славян от европейского мира.

²⁴ *З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет.* М., 1969, стр. 49—101, 165—229.

человечества, через которую прошла и Византия. Эта концепция завоевывает все большее число адептов в зарубежных странах, особенно среди ученых социалистических государств.

Чрезвычайно велик вклад в разработку проблемы феодализма в Византии одного из выдающихся византинистов современности Г. А. Острогорского. Много лет изучая эту проблему, Г. А. Острогорский не ограничился рассмотрением каких-либо отдельных политико-юридических институтов, а обратился к исследованию кардинальных вопросов, таких, как формы условной феодальной собственности, прония и иммунитет в Византии²⁵, судьбы византийской общины²⁶, история византийского крестьянства²⁷. Г. А. Острогорский в своих трудах исходит из широкого понимания феодализма как особого типа общества, которое существовало, хотя и в разное время, но не только в Западной Европе, а и в других регионах мира. Это такой тип общества, основой которого являются крупные земельные владения, населенные и обрабатываемые зависимыми крестьянами. Г. А. Острогорскому, как никому другому, органически присуще глубокое чувство историзма: он показывает феодальный строй в Византии в его динамике с момента возникновения (который он относит к X в. и связывает с государственной парикией)²⁸ и до полной кристаллизации крупной земельной собственности в поздней Византии, структуру которой он прослеживает по материалам византийских практиков²⁹. Прония и экскуссия (иммунитет) по Острогорскому — живые, развивающиеся институты, претерпевающие эволюцию по мере укрепления феодального строя. Прония, согласно трактовке этого ученого, — пожалование земли в условное держание, а не оторванная от землевладения фикция вещного права, олицетворяющаяся в передаче прониару сбора квоты налогов с определенной области. Автор вновь и вновь подчеркивает типологическое сходство между системой пронии, возникшей в эпоху Комнинов, и западноевропейской системой феодалов.

Г. А. Острогорский признает, что в Византии отсутствовал институт вассалитета, полностью аналогичный западноевропейскому, ибо византийский феодал (фьеф) развивался в условиях существования сильного централизованного государства, и прониар в своей области был не только феодальным землевладельцем, но и представителем государства. Однако рост феодальной собственности приводил к неуклонному ослаблению центральной власти и государственного бюрократического аппарата³⁰. Югославский ученый приходит к выводу о большем, чем было принято думать ранее, распространении в поздней Византии вассальных отношений и феодальной иерархии, хотя и не столь развитой, как на Западе. В свете византийских феодалов находилось немало лиц свободного состояния, которые зависели от феодального сеньора, вместо того, чтобы быть в непосредственном подчинении у императора. Работа Острогорского во многом меняет сложившееся в западноевропейской науке представление о полном отсутствии или крайней неразвитости системы вассалитета и феодальной иерархии в Византии³¹. Выдающиеся труды Г. А. Остро-

²⁵ Г. Острогорски. Пронија. Прилог историји и феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд, 1951; *idem*. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954; Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 55—107; G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de l'immunité à Byzance. — Byz., XXVIII, 1958.

²⁶ G. Ostrogorsky. La commune rurale à Byzance. Loi agraire — Traité fiscal-Cadastré de Thèbes. — Byz., XXXII, 1962, p. 136—161.

²⁷ G. Ostrogorsky. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956; Г. Острогорски. Радоливо. — ЗРВИ, 7, 1961.

²⁸ G. Ostrogorsky. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine, p. 27—29.

²⁹ G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 264—290.

³⁰ G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 26—54.

³¹ G. Ostrogorsky. Observations on the Aristocracy in Byzantium. — DOP, 25, 1971, p. 14—17.

горского, на наш взгляд, неопровержимо доказали существование феодализма в Византии.

Советскими византинистами³² и учеными стран социалистического сотрудничества³³ немало сделано для выяснения специфики византийского феодализма, его генезиса и развития. При этом феодализм трактуется не как совершенно особая модель, а как определенный вариант, имеющий аналогии как в южноевропейском регионе, так и в Юго-Восточной Европе и странах Востока.

В последнее время в византиноведческой науке пробивает себе дорогу идея изучения специфических особенностей феодального строя Византии в типологическом аспекте. Советские византинисты занялись проблемой типологии феодального строя в Византии отнюдь не с целью создания какой-либо особой модели «византийского феодализма» или коллекционирования иных второстепенных отличий феодального общества империи. Главная задача, стоящая перед исследователями,— выяснить общее и особенное в феодальных отношениях в Византии, установить, как проявлялись основные закономерности развития феодальной формации на византийской почве и какие особенности феодального строя возникали здесь по сравнению с другими регионами мира³⁴.

Особенности аграрного строя Византии и период развитого феодализма

Своеобразие византийского феодализма во многом определялось особенностями его генезиса. Как мы уже отмечали ранее, Византия пошла по тому пути развития феодализма, когда феодальный строй утверждался на основе синтеза элементов разлагающейся рабовладельческой формации с феодальными отношениями, складывавшимися у варварских народов (славян, арабов, армян и др.), однако с явным превалированием античных начал, в частности, унаследованных от Поздней Римской империи. Наиболее четко этот путь развития прослеживается наряду с Византией также в Италии, Южной Галлии, вестготской Испании и романизированной Северной Африке. Для периода генезиса феодализма в Византии, как и в других странах Европы, одним из важнейших критериев типологизации, по-видимому, можно считать наличие или отсутствие синтеза,

³² М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. — ВВ, XVII, 1960; *его же*. Некоторые проблемы истории Византии. — ВИ, 1959, № 3; Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1958; *ее же*. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. — ВИ, 1961, № 6; *ее же*. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М., 1964; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии. IX—X вв. М., 1960; З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, № 10.

³³ Д. Ангелов. Принос к поземелните отношения ввв Византия през XIII век. — ГСУ, филол. факультет, кн. 2, 1952; *его же*. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1960, № 2; *его же*. Феодализмът във Византия. — ИП, 3, 1946—1947, кн. 2, стр. 223 сл.; Н. Evert-Kappesowa. Une grande propriété foncière du VIIIe siècle à Byzance. — BS, 24, 1963 и мн. др.

³⁴ К. В. Хвостова. Аграрно-правовые отношения в Византии XIII—XV вв. — В кн.: «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 97—108; *ее же*. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968; З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе историков в Москве. М., 1970; З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — ВО, 2, 1971, стр. 3—25; *ее же*. Проблема генезиса и типологии феодализма на международных конгрессах историков и экономистов в Москве и Ленинграде (1970 г.) — ВОН АН Арм. ССР, 1971, № 3, стр. 46—54; *ее же*. Генезис и типология феодализма. — СВ, 34, 1971, стр. 13—38; М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период. — АДСВ, VIII, 1972, стр. 3—41; *его же*. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 35, 1974, стр. 3—18; З. В. Удальцова, К. А. Осипова. Типологические особенности феодализма в Визан-

степень его интенсивности и соотношение в нем феодальных элементов, вырвавшихся в позднеантичном и варварском обществе ³⁵.

Эти типологические особенности, сформировавшиеся в раннефеодальный период, наложили отпечаток на типы феодального общества и в период развитого феодализма. В то же время в более поздний период провились и новые факторы, влиявшие на характер феодализма как в Византии, так и в странах Западной Европы.

Географическое положение Византии, раскинувшей в эту эпоху свои владения на двух континентах — в Европе и в Азии, — сделало империю как бы средоточием между Востоком и Западом. Но Византия пошла своим историческим путем, во многом отличным от судеб как азиатского Востока, так и европейского Запада. В аграрном строе Византийской империи, однако, присутствовало немало черт как сходства, так и различия по сравнению и со странами Запада и с государствами Востока.

В состав Византийской империи входили области с разнообразными природно-климатическими условиями. Мягкий средиземноморский, местами субтропический климат прибрежных районов постепенно переходил в континентальный климат внутренних областей с жарким и порою засушливым летом и холодной, снежной зимой. Горный рельеф Греции и Малой Азии, части Македонии сменялся равнинными пространствами Фракии и Фессалии. Природноклиматические условия определяли отличия в хозяйственном облике разных частей империи. Преобладали, однако, изрезанные горами местности с малопродуктивными почвами, где природные условия обуславливали хозяйственную замкнутость отдельных районов и распространение мелкого крестьянского хозяйства. Обилие островов, порою небольших, также благоприятствовало появлению парцеллярного хозяйства. Ведение крупного домициального хозяйства на подобных землях было нерентабельным.

Наряду с зерновыми культурами (пшеница, ячмень) большое распространение имели виноградники и оливковые плантации. На плоскогорьях и высокогорных лугах Балкан и Малой Азии было развито скотоводство.

С потерей Египта житницами Византии стали Фракия, плодородные речные долины Македонии и Фессалии. Здесь в большей степени, чем в гористых областях, природные условия способствовали концентрации земледелия в руках крупных землевладельцев и ведению домициального хозяйства. Ведь недаром в поздней Византии именно в Фессалии и в части Македонии были расположены имения богатых феодалов-властителей и домены императоров.

Итак, природные условия Византии отнюдь не стимулировали развития здесь обществ азиатского типа, с их ирригационным хозяйством в долинах великих рек и ведомством общественных работ, находящимся в руках государства. Все сказанное сближает Византию скорее с другими странами европейского Средиземноморья, и в особенности с Италией, чем с государствами азиатского Востока.

В период развитого феодализма (X—XV вв.), несмотря на территориальные потери, Византия оставалась одной из могущественных держав средиземноморского бассейна. Однако демографические сдвиги, повлекшие за собой сокращение численности населения, были чрезвычайно существенны и отразились на дальнейшем ходе исторического развития византийского государства ³⁶. Из огромной, этнически крайне неоднородной импе-

тии. — В кн.: «Проблемы социальной структуры средневекового общества». Л., 1974, стр. 4—28.

³⁵ З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Указ. соч., стр. 7—14; З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма, стр. 10.

³⁶ P. Charanis. Studies on the Demography of the Byzantine Empire. London, 1972. После значительного сокращения населения, связанного с потерей восточных провинций и кризисом VII в., в XI в. наступает, по-видимому, известная демографическая стабилизация, которая сменяется новыми демографическими изменениями в XIII—XV вв.; см. H. Antoniadis-Bibicou. Problèmes d'histoire économique de By-

рий, в состав которой входило множество различных племен и народов, Византия стала по преимуществу греческим, а с XI—XII вв. — греко-славянским государством. Этнические различия внутри государства, хотя, естественно, полностью не исчезли, но весьма отчетливо сглаживались, а преобладание греческого элемента становилось все более и более ощутимым.

Важной типологической особенностью феодализма в большинстве регионов Западной Европы было господство крупного частного землевладения вотчинного типа, условный характер этой крупной земельной собственности и ее разветвленная иерархическая структура.

В Византии же, в связи со специфической генезиса феодализма, в значительно больших масштабах и более длительное время сохранялись формы земельной собственности, унаследованные от предшествующего времени. Характерной особенностью общественного развития Византии было длительное сосуществование таких форм земельной собственности, как безусловная частная собственность на землю, генетически восходящая к поздне-римским аграрно-правовым отношениям, государственная поземельная собственность и собственность мелких крестьян-общинников³⁷.

Аграрный строй Византии во многом определялся борьбой частнособственнических тенденций, общинных традиций и государственных форм землевладения. При этом континуитет в сфере землевладения наблюдался здесь в значительно большей степени, чем в странах Западной Европы.

Первый тип частной собственности на землю кристаллизовался как в крупном землевладении, так и в хозяйстве свободных крестьян. В Византии на всех этапах ее истории имела распространение купля-продажа земли (частновладельческой, городской, государственной и даже общинной) с передачей собственнику верховного права и титула собственности. Права собственников на землю охранялись римскими юридическими нормами, никогда не терявшими в Византии силы закона. В разные периоды византийской истории, естественно, масштабы частной собственности на землю то сокращались, то возрастали; менялся, разумеется, и характер ее использования, и формы эксплуатации зависимого населения. Но сам факт наличия в Византии наряду с коронными, государственными и общинными землями развитой системы частной собственности на землю и крупного землевладения признан в современной науке.

Очень сложен вопрос о государственной собственности на землю в Византии. Этот вопрос породил в византиноведении ожесточенные споры, которые не утихают и по сей день³⁸. На современном уровне развития науки можно высказать некоторые соображения по этой далеко не решенной проблеме.

Прежде всего, на наш взгляд, нельзя проводить прямых аналогий между государственной властью и государственной собственностью в Византии и в странах Востока. Государственная собственность на землю в Византии отнюдь не была точной копией, сколком государственной поземельной собственности, распространенной на Востоке. Прежде всего в странах Востока государь всегда (или почти всегда) был не только верховным правителем, неограниченным властелином, но и верховным соб-

zance au XIe siècle: démographie, salaires et prix. — BS, 28, 1967, p. 255—261; D. Jakoby. Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles. — «Etudes rurales», 5—6, 1962, p. 161—186; N. Kondov. Das Dorf Gradec. Die demographisch-wirtschaftliche Gestalt eines Dorfes aus dem Gebiet des unteren Strymon von Anfang des 14. Jahrhunderts. — «Etudes balkaniques», VII, 1971, 3, S. 31—55.

³⁷ К. В. Хвостова. Аграрноправовые отношения в Византии XIII—XV вв., стр. 97—99.

³⁸ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 180—195; *её же*. К вопросу о генезисе феодализма, стр. 21—23; А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии, стр. 170—195; Г. Г. Литаурин. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. — ВВ, 35, 1973, стр. 51—74.

ственником всей территории страны. Главным, а порою и непременным условием существования государственной собственности на Востоке было одновременное отсутствие (или крайняя слабость) частной собственности на землю. Недаром К. Маркс писал: «...отсутствие частной собственности на землю... вот настоящий ключ даже к восточному небу»³⁹. В развитие этой мысли К. Маркс подчеркивал, что в азиатских государствах не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Государственная власть в Византии не имела патримониального характера. Верховное право собственности государя на все земли подданных не зафиксировано в источниках.

Фонд государственных земель в Византии состоял преимущественно из владений фиска (в состав которых входили заброшенные земли и участки, конфискованные и переданные в казну), а также из императорских доменов⁴⁰. Размеры фонда государственных земель в разные периоды Византии резко изменялись. Можно наметить следующую динамику изменения размеров фонда государственных земель.

В ранней Византии владения фиска и домены императора достигали столь огромных размеров, что не могли обрабатываться жившими на них рабами и колонами, а сдавались в аренду и все равно часто пустовали. В VII—половине IX вв. фонд государственных земель сократился и, в связи с внутренней колонизацией и вторжением варваров, эти земли были в значительной части заселены свободными крестьянами-общинниками и переданы войнам-стратиотам. Власть государства над частью этих земель стала лишь номинальной. Во второй половине IX—XI вв., в связи с укреплением государственной власти, внешними завоеваниями и общей стабилизацией империи, фонд государственных земель вновь возрос; ведь завоеванные земли в значительной своей части переходили в собственность государства. Однако с XII в. он опять резко сокращается в результате развития вотчинного землевладения и внешних неудач. В поздней Византии он сохранялся, но в довольно скромных размерах. Государственные владения сравнительно редко представляли собой сплошные земельные массивы; чаще всего они располагались среди имений крупных собственников, монастырей и крестьянских наделов. Они сохранялись на протяжении всего существования Византии, но никогда не охватывали всю территорию византийского государства.

Государственная власть в Византии не могла неограниченно распоряжаться землями своих подданных. Поэтому византийские императоры раздавали в виде пожалований в первую очередь казенные земли, населенные государственными париками, земли императорских доменов, пустоши, которые разрешалось заселять пришлыми людьми. На коронных и государственных землях возникали владения церквей, монастырей и благотворительных учреждений, переданные им в качестве пожалований государством.

Однако в отличие от стран Востока свободные деревни мелких собственников не могли быть пожалованы частным лицам. Лишь земли, некогда находившиеся в собственности государства, а затем переданные за службу феодалам-прониарам, по прошествии определенного срока могли быть отобраны и переданы в другие руки.

Домениальное хозяйство императоров в период развитого феодализма не достигало особенно больших масштабов и ограничивалось удовлетворением нужд императора и двора. Государство вмешивалось в экономиче-

³⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 215.

⁴⁰ А. П. Каждан отождествляет земли фиска и императорские домены (А. П. Каждан. Деревня и город в Византии, стр. 129—130), а М. Я. Сюзюмов проводит между ними различие, утверждая, что на императорских доменах велось организованное хозяйство, тогда как владения фиска в значительной мере состояли из пустошей и заброшенных земель (М. Я. Сюзюмов. Рец. на кн.: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии. IX—X вв. М., 1960.— ВВ, XXI, 1962, стр. 214).

скую жизнь страны прежде всего через посредство фиска, но не занималось, как в азиатских обществах, ее прямым управлением, «экономическим главнокомандованием», которое все больше и больше сосредоточивалось в руках феодалов ⁴¹.

В отличие от большинства стран Западной Европы, где в период развитого феодализма отмечается относительная слабость общины-марки, в Византии и в эту эпоху общинные традиции и внутренняя консолидация общины оставались достаточно крепкими. Участие в коллективном использовании общинных угодий, общность хозяйственных интересов, взаимная связь и взаимная помощь, усиленные глубоким проникновением в жизнь деревни общинных традиций — все это способствовало объединению и упрочению спаянности односельчан. Община оставалась деятельным, сплоченным и сильным коллективом — это обстоятельство имело значение определяющего признака, отличавшего византийскую общину от общин-марок ряда стран Западной Европы.

Византийская община была сложным общественным организмом, утвердившимся в результате синтеза различных взаимодействующих начал. Одним из ее истоков были местные общины-митрокомии, издавна существовавшие в Восточном Средиземноморье и восходившие своими традициями к доэллинистическим временам ⁴². Будучи соседскими общинами с правом частной собственности крестьянина на земельный участок, не ограниченным в возможности его отчуждения, ранневизантийские митрокомии сохраняли устойчивые традиции античного общества, проявлявшиеся в наличии рабства в общине, влиянии установлений частной собственности и римского права ⁴³.

Большое влияние на формирование византийской общины оказали общинные порядки славянских племен. Славяне принесли с собой общину, которая отличалась большой внутренней сплоченностью, прочностью общинных связей, сохраняла некоторые элементы общинно-родового строя славян, в частности традиций большой семьи, большесемейной собственности и кровнородственных отношений ⁴⁴. Наследие ранневизантийских митрокомий и общинные порядки славян явились двумя главными факторами, на основе синтеза которых в Византии сложился качественно новый тип общины. Большая сила и устойчивость, а также сочетание двух различных начал имели значение определяющего типологического признака, отличающего византийскую общину от общин-марок ряда стран Западной Европы. Известная стойкость общины создавалась веками упорной борьбы как с натиском феодализирующейся знати, так и с постоянным нажимом государства. Наступление господствующего класса на общину приобрело в Византии характер двуединого процесса.

Прежде всего община подвергалась постоянному централизованному воздействию со стороны государства. С целью подчинения свободного крестьянства византийское государство ввело систему коллективной податной ответственности и практику изъятий выморочных и заброшенных общинных земель. Кроме того, оно осуществляло ряд специальных законодательных мер, направленных на ограничение прав крестьян распоряжаться своей землей. Тем самым государство пыталось, по сути дела, прикрепить свободное крестьянство к земле, хотя полного закрепощения и официального акта о прикреплении крестьян Византия не знала. И хотя

⁴¹ *H. Antoniadis-Bibicou*. Byzance et le mode de production asiatique, p. 64, 68 sq.

⁴² *Р. Таубеншлаг*. Сельские общины в романизированных провинциях Востока времени Диоклетяна. — ВВ, XIII, 1958, стр. 8 сл.; *Е. С. Голубцова*. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. (независимая сельская община). М., 1962, стр. 42—44; *ее же*. Сельская община Малой Азии. М., 1972, стр. 170—172.

⁴³ *З. В. Удальцова*. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, стр. 16.

⁴⁴ *М. Я. Сюзюмов*. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии, стр. 5; *его же*. Дофеодалный период, стр. 13.

община платила государственные налоги, она сохранила определенную самостоятельность и отнюдь не превратилась в податную общину восточного типа, полностью подчиненную государству⁴⁵.

Обороняясь от натиска государства, община неминуемо попадала в зависимость от феодалов. В пределы общинных земель все более интенсивно внедрялось крупное феодальное землевладение, а свободные общинники превращались постепенно в феодально-зависимых крестьян.

Однако глубокое проникновение в жизнь византийской деревни общинных традиций приводило к тому, что даже в условиях феодального закрепощения, подчинения общины и превращения общинников в частновладельческих крестьян общинные порядки в зависимой деревне нередко продолжали сохраняться.

Разумеется, в различных областях империи сохранение общинных традиций было неравномерным. Длительное переживание общинных порядков нередко было связано с этническими факторами, с развитием ересей (в частности, павликианства и богомилства). В некоторых областях империи, особенно в ее горных районах, община продолжала существовать вплоть до турецкого завоевания и падения империи.

Как и в некоторых странах Европы, в Византии основной путь утверждения феодальной собственности на землю проходил через общину. Внутренняя эволюция общины, имущественная дифференциация и вызревание элементов феодализма в ее недрах, равно как и экспроприация крестьянской собственности вторгающимся в общину крепнущим феодальным землевладением — все это послужило основным источником формирования феодальной вотчины в Византии.

Своеобразную и глубоко противоречивую роль в процессе становления крупной феодальной собственности в империи играло государство.

Бесспорно, подчинение свободного крестьянства государством и огромная роль государственных институтов в жизни империи тормозили складывание феодальной вотчины, мешали росту власти феодалов над зависимым населением. Государству в течение длительного времени удавалось держать вотчину под своим контролем, ограничивать число зависимых крестьян, осуществляя расследования и проверяя, в частности, владеет ли тот или иной феодал тем числом крестьян, которое указано в выданных ему императорских грамотах, или же он поселил у себя лишних крестьян, сверх назначенного ему «количества» (*ἀριθμός*)⁴⁶. Но с другой стороны, византийское государство активно содействовало утверждению феодальных отношений в империи и упрочению феодальной вотчины. Это проявлялось в распространенной практике пожалований частным лицам и монастырям государственных земель, среди которых значительную часть составляли запустевшие общинные земли, отторгнутые от общины и конфискованные государством⁴⁷.

Известное место среди феодальных вотчин занимали владения, восходившие к крупной земельной собственности позднеримского времени.

Различные пути генезиса феодальной собственности обусловили возникновение многообразных по структуре типов феодальных поместий. Чаще всего поместья складывались из многих земельных владений, расположенных в различных селах и местностях, среди общинных земель и владений соседних феодалов. В других случаях это были хозяйственно обособленные и не связанные с крестьянской общиной поселения — иногда генетические они восходили к рабовладельческим виллам. Нередко поместье представляло собой подчиненную динамом сельскую общину.

⁴⁵ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии, стр. 419 сл.

⁴⁶ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в. — ВВ, XI, 1956, стр. 115—117; К. А. Осипова. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии X в. — ВВ, X, 1956, стр. 77—78.

⁴⁷ Г. Г. Литаврин. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв., стр. 73.

Для обозначения феодальных поместий византийские источники употребляют термины «проастий» и «икос». По своему происхождению проастии часто были связаны с общиной. Они возникали на периферии общины в результате выделения мелких вотчинников, не удовлетворявшихся своими наделами в общине и предпочитавших основать новые имения за пределами деревни. В X в. проастии не обрабатывались трудом рабов и наемных работников — мистиев. Проастии были распространены и как специфический тип небольшого пригородного поместья⁴⁸. Однако уже с конца X в., когда феодальное подчинение крестьян развернулось в широких масштабах, проастии стали превращаться в типичное феодальное поместье, эксплуатация которого велась трудом зависимых крестьян — париков⁴⁹.

Второе наименование феодального поместья — икос — часто применялось для обозначения богатых барских усадеб, служивших центром владений феодала. Этим термином нередко обозначались богатые родовые поместья крупнейших византийских аристократических фамилий — Дук, Фок, Малейнов, Аргиров, расположенные в малоазийских фемах империи⁵⁰.

Условная поземельная собственность в Византии хотя и существовала, однако не получила такого распространения, как на Западе. Важная социальная роль, которую играла полная безусловная собственность на землю, в какой-то мере унаследованная от Поздней Римской империи, отличала Византию и от Запада и от Востока. На Западе доминировала иерархическая структура собственности. На Востоке большое значение имела государственная собственность на землю при отсутствии или слабости частной собственности и при наличии специфических форм условного землевладения. Византию же отличает от других стран средневекового мира развитый институт частной собственности на землю⁵¹.

Однако в Византии, так же как и на Западе, возникают условные формы земельной собственности, но они имеют свои специфические черты.

Иерархическая структура земельной собственности, нашедшая столь законченное воплощение в феодальном землевладении Западной Европы, в Византии складывалась медленными темпами. Коренные изменения произошли лишь в XII в., когда, наряду с другими видами собственности, довольно широкое распространение получают такие формы условного землевладения, как прония, близкая к западноевропейскому бенефицию, и гоникон — пожалование земли в наследственное владение при условии несения феодалом определенной службы в пользу государства. Прония, как и бенефиций, была связана с пожалованием права на временное владение землей, на взимание налога и эксплуатацию крестьян. Обычно прония давалась на срок жизни императора, жаловавшего пронию, или на срок жизни прониара. Прония была собственностью и *de jure* и *de facto*. Пожалование вещных прав на землю всегда было существенным компонентом пронии, отличавшим ее от таких восточных институтов, как икта, тимар, джагир, которые юридически являлись пожалованием налога и только в дальнейшем фактически превращались в земельную собственность⁵².

⁴⁸ М. Я. Сюсюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 59—60.

⁴⁹ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в., стр. 101; М. Я. Сюсюмов. Экономика пригородов, стр. 61.

⁵⁰ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в., стр. 102, 103; *его же*. Деревня и город в Византии, стр. 69—71.

⁵¹ З. В. Удальцова. Свообразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории. — В кн.: «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 303—307.

⁵² На этом особенно настаивает Г. А. Острогорский: *G. Ostrogorskij. Le système de la pronia à Byzance et en Serbie médiévale.* — «Actes du VIe Congrès International d'études Byzantines», t. I. Paris, 1950, p. 182—186; *его же*. Прония. Прилог историји феудализма у Византији и јужнословенским земљама. стр. 37; *idem*. Die Pronia

В Византии, однако, процесс субинфеодации имел значительно меньшее развитие, чем на Западе. В этом аспекте аграрный строй Византии имеет больше сходства с аграрными отношениями стран Востока.

Можно наметить существенные различия между странами Западной Европы и Византией в характере власти феодалов и их иммунитетных прав. На Западе, как известно, четко прослеживается связь крупной земельной собственности с теми или иными формами политической власти, основанной на частно-правовых отношениях (вотчинные суды, иммунитеты, тюрьмы, полицейские силы).

В Византии такой важный институт феодального общества, как иммунитет феодалов, принял своеобразную форму так называемой экскуссии. Его основные отличия обусловливались спецификой форм землевладения в империи и тем, что он создавался в условиях централизованного государства. В системе иммунитетных привилегий в Византии доминирующую роль играли податные привилегии, а не судебные и административные, как на Западе. Податный иммунитет был генетически связан с разветвленной системой налогов в империи. Незрелость административного иммунитета проявлялась в регулярном допуске государственных чиновников на территорию иммунитета для составления поземельных описей. Это препятствовало формированию частного фискально-административного аппарата поместья и задерживало развитие частных форм внеэкономического принуждения⁵³.

Вассально-ленная система оставалась в Византии сравнительно неразвитой: феодальные дружины выступали здесь чаще как свита, а не как вассалы, связанные со своим сеньором поземельными и личными отношениями. В отличие от стран Западной Европы византийские дружины-этерии не были постоянно действующим и узаконенным институтом феодального общества. Этерии хотя и обладали политическим и военным потенциалом и играли важную роль при смене императоров на престоле и в борьбе различных феодальных клик, но в Византии на основе этерий все же не сложилось особого служилого сословия, подобного западноевропейскому рыцарству⁵⁴. Многоступенчатая феодальная иерархическая лестница в Византии так и не создалась, что было закономерно при наличии в империи сильной центральной власти и развитой бюрократии. В этом аспекте аграрный строй Византии имеет некоторое сходство с аграрными отношениями стран Востока. Однако по мере развития феодализма все же происходит укрепление частной вотчины, что сближает Византию с Западной Европой и отдаляет ее от Востока.

unter den Komnenen. — ЗРВИ, 12, 1970, S. 41—54. Г. А. Острогорский в выступлении на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. отстаивал свою точку зрения о том, что прония за момента ее возникновения являлась земельным пожалованием; ср. *З. В. Удальцова*. Генезис и типология феодализма, стр. 24; *К. В. Хвостова*. О некоторых особенностях византийской пронии. — ВВ, XXV, 1964, стр. 214 сл. Однако в византиноведческой науке существует иная трактовка института пронии. По мнению некоторых ученых, при значительном распространении централизованной ренты в Византии прония первоначально была связана не столько с передачей феодалу земельного владения, сколько с предоставлением ему права сбора в его пользу определенной квоты налогов; см. *А. П. Каждан*. Формы условной собственности в Византии. X—XII вв. Доклад на 25-м Международном конгрессе востоковедов. М., 1960; *H. Glykatzi-Ahrweiler*. La concession des droits incorporels, p. 103—114.

⁵³ *Г. А. Острогорский*. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 95 сл.; *Г. Г. Литаврин*. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 231 сл.; *А. П. Каждан*. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XIII вв. — ВО, 1961, стр. 186—216; *М. М. Фрейдберг*. Экскуссия в Византии XI—XII в. — «УЗ. Великолукского пед. ин-та», 3, 1958, стр. 354, сл.; *З. В. Удальцова*. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 184—188.

⁵⁴ *H.-G. Beck*. Byzantinisches Gefolgschaftswesen. — SBAW, 1965, H. 5; *Г. А. Острогорский* полагает, однако, что феодальная иерархия в Византии достигла значительно большей степени развития, чем было принято считать до сих пор; см. *G. Ostrogorsky*. Observations on the Aristocracy in Byzantium. — DOP, 25, 1971, p. 14—17.

Процесс складывания класса феодально-зависимого крестьянства происходил в империи, подчиняясь тем же основным закономерностям, что и на Западе. Однако, в силу своеобразия генезиса феодализма и исторических судеб византийского государства, класс зависимого крестьянства периода развитого феодализма имел в Византии некоторые особые черты, отличавшие его от класса непосредственных производителей в Западной Европе.

В отличие от стран Запада, где сравнительно рано кристаллизовался как преобладающий единый класс мелких крестьян-держателей, находившихся в различной степени поземельной, личной и судебной зависимости от феодала, в Византии формирование феодально-зависимого крестьянства как монолитного единого класса несколько затянулось. Здесь и в период развитого феодализма сохранялись многочисленные градации в уровне зависимости крестьян. В многоцветном спектре различных категорий византийского крестьянства этого времени можно отметить прослойки зависимых людей, унаследованные от прошлого, и генетически восходящих то к рабам (дулевиты и дулопарики), то к государственным парикам, то к свободным крестьянам-общинникам. Рабство сохранялось в Византии еще в XIII—XV вв. Рабов в этот период использовали в качестве домашней прислуги, на полевых работах, в ремесленном производстве, в мореплавании, где они выполняли тяжелую работу гребцов. Хотя церковь запрещала использование рабов, тем не менее их труд применялся в монастырях, странноприимных домах и богоугодных заведениях. Численность рабов в империи в различные периоды менялась, однако она по-прежнему оставалась довольно значительной. Тем не менее рабство в период развитого феодализма в Византии, как и в Западной Европе, все больше теряло свое значение в сельскохозяйственном производстве, а статус рабов сближался с положением низших слоев крестьянства⁵⁵.

В научной литературе ведутся постоянные споры о статусе свободных крестьян-общинников в Византии. Одни исследователи полагают, что основная масса крестьян-общинников в период развитого феодализма находилась уже в зависимости от государства и представляла собой многочисленную категорию государственных крестьян. К государственным крестьянам эти исследователи причисляют не только париков, живущих в доменах императора и на землях фиска, но и сельское население свободных общин. Государственные парики, согласно этой концепции, платили государству взносы, в которых были неразрывно слиты феодальная рента и государственные налоги⁵⁶.

Согласно другой точки зрения, крестьяне-общинники оставались лично свободными и были лишь подданными государства. Уплачиваемые ими взносы являлись государственным налогом, но не феодальной рентой. К государственным парикам сторонники этой теории относят лишь сельское население, жившее на землях короны и фиска⁵⁷.

Не претендуя на решение этого спорного вопроса, мы, однако, можем констатировать, что по мере распада общины и укрепления феодального способа производства в поздней Византии все более четкой становится поляризация двух категорий париков — государственных и частновладельческих. В эту эпоху государственные парики сидели на землях, принадлежавших императору и казне, и платили государственные налоги, а также выполняли парические отработочные повинности.

⁵⁵ Н. Кӧпштейн. Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966, S.103—118; eadem. Zur Sklaverei in Byzantinischer Zeit. — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», 15, 1967, S. 359—368.

⁵⁶ G. Ostrogorski. Quelques problèmes, p. 11 sq.; А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. — ВВ, X, 1956, стр. 60; его же. Деревня и город в Византии, стр. 419; К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в. — ВВ, XVII, 1960, стр. 31—35.

⁵⁷ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины. — ВВ, VIII, 1956, стр. 44; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 40—58.

Таким образом, типологической особенностью византийского крестьянства и в период развитого феодализма по-прежнему остается наличие особой прослойки государственных париков. Это явление, как известно, почти совершенно не было свойственно странам Западной Европы.

Частновладельческие парики также платили государственные налоги, но эти налоги в результате пожалований иммунитета в большинстве случаев передавались земельному собственнику. Наряду с этим парики, жившие в поместьях феодалов, выполняли повинности частнопрового характера. В поздний период в Византии частновладельческие парики по большей части были прикреплены к земле. Таким образом, положение государственных и частновладельческих париков не было идентичным. При этом необходимо отметить, что в последние столетия существования Византии число государственных париков неуклонно сокращалось.

Вместе с тем можно выделить особую и весьма многочисленную категорию сельского населения Византии — крестьян-присельников, превратившихся постепенно в феодально-зависимых париков. Это объясняется тем, что значительное распространение в Византии приобрел тот путь возникновения феодальной зависимости, при котором подчинению крестьян предшествовало их обезземеление и отрыв от общины, в результате чего крестьяне, лишившись общинных прав, покидали родные деревни. В поисках средств к существованию эти крестьяне обычно в качестве присельников оседали в поместьях византийских династов, где превращались в зависимых париков.

И хотя с XII в. в византийском крестьянстве преобладающей стала категория частновладельческих крестьян-париков, но тенденция к нивелировке в положении крестьян полностью возобладала лишь в период поздневизантийского феодализма, когда зависимое крестьянство становится сравнительно однородным. Так, например, к этому времени почти исчезают дулевты и дулопарики — категории крестьян, сохранявшие родимые пятна рабства⁵⁸.

В Западной Европе, как известно, почти повсеместно преобладал частновладельческий, негосударственный тип эксплуатации крестьян в виде получения от них феодальной ренты (разных форм) с помощью частновладельческих же средств принуждения.

В отличие от Запада, наряду с частнопровогой рентой в Византии сохранялась публичноправовая рента. Государственные парики в Византии платили казне регулярные взносы, в которых были неразрывно слиты феодальная рента и государственный налог. Живущие же на землях феодалов феодально-зависимые крестьяне наряду с феодальной рентой, уплачиваемой собственнику земли, были обязаны платить налог государству.

Феодальная рента и государственный налог были по существу разграничены и существовали в обособленном виде, хотя внешне это было трудноразличимо, поскольку право сбора налогов было передано феодалам.

Рента разных типов взималась с крестьян не только с помощью частновладельческих средств внеэкономического принуждения, но длительное время — с помощью государственной налоговой системы. Динамика развития шла в сторону увеличения удельного веса частнопровогой феодальной ренты, особенно в поздний период. Сохранение ренты публичноправового характера, несмотря на постепенное ее сокращение, — одно из проявлений незавершенности процесса феодализации в Византии. Наличие в Византии ренты публичноправового характера отличало ее от феодального Запада, где доминировала частнопровогой рента, и в известной мере сближало со странами Востока. Распространение в Византии

⁵⁸ P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and later. — BS, XII, 1951; *idem*. Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire. — «The Journal of Economic History», 13, 1953.

этого типа ренты объяснялось существованием в империи сильной государственной власти и разветвленной налоговой системы. Византийские налоговые описи — практики составлялись государственными чиновниками, в то время как на Западе это было делом самих землевладельцев-феодалов⁵⁹.

В своих вотчинах византийские феодалы находились под известным контролем государственной власти, который выражался в том, что государство требовало с имений феодалов определенной нормы налогов. Для получения этой нормы податей государство могло воспрепятствовать феодалу освободить от налогов крестьян в частных имениях. Центральная власть регулировала с этой же целью размеры взимаемой сеньором ренты с зависимых крестьян. Со временем этот контроль государства стал постепенно ослабевать.

По мере развития феодализма в Византии значительно возрастает доля феодальной ренты, уплачиваемой крестьянами непосредственно своему сеньору, и сокращаются размеры централизованной ренты в пользу государства. Это все больше сближает Византию с Западной Европой и отделяет ее от Востока, где прочно сохраняются централизованные формы эксплуатации.

Начало кризиса феодализма, хронологически совпавшее с последним периодом исторической жизни Византии, было ознаменовано повышением товарности вотчинного хозяйства феодалов, возрастанием удельного веса денежной ренты и появлением в деревне такой новой фигуры, как арендатор-предприниматель, снимавший в долгосрочную аренду землю феодального собственника и возделывавший ее с помощью субарендаторов. В сфере аграрных отношений Византия вплотную подошла к выцветанию раннекапиталистических форм хозяйства.

Судьбы византийского города и его место в феодальном обществе

Средневековое общество было единым, живым и развивающимся общественным организмом, и городу принадлежало в нем свое особое и притом важное место. Поэтому при выяснении типологических особенностей феодализма в том или ином регионе необходимо обратить внимание так же и на отличительные черты развития городов и товарно-денежных отношений в различные периоды истории средневековья. Как известно, в Западной Европе города и городская экономика стали играть выдающуюся роль в общественной жизни, главным образом, начиная с периода классического средневековья, в эпоху второго великого разделения труда — отделения города от деревни.

По иному складывались судьбы византийского города. Наивысшего расцвета города в Византии достигли не в конце, а в начале ее истории. Кривая социально-экономической трансформации городов шла от состояния расцвета на заре византийской истории, через временное затухание их экономической активности в период генезиса феодализма, к новому подъему в XI—XII в., сменившемуся окончательным упадком в последние два века существования империи.

В ранний период Византия⁶⁰ изобиловала крупными городскими центрами. В это время она обгоняла Запад по уровню развития ремесла и торговли. Природные условия Византийской империи весьма благоприятствовали процветанию городской экономики. Значительные запасы полезных ископаемых в империи, особенно железа, золота, меди, мрамора

⁵⁹ К. В. Хвостов. Социологические модели, западные и восточные типы общественных отношений. — В кн.: «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966, стр. 202—212.

⁶⁰ Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971; *его же*. Разложение

стимулировали развитие горных промыслов, рост производства оружия, орудий труда для ремесла и сельского хозяйства, стекла, ювелирных изделий и других предметов роскоши, ускоряли расцвет строительного дела. По запасам полезных ископаемых Византия была много богаче соседних стран. Изрезанность береговой линии, обилие удобных гаваней, господство над проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, способствовали развитию мореплавания и морской торговли. Все раннее средневековье Византия оставалась великой морской державой⁶¹. Ее жизненные интересы во многом были связаны с транзитной морской торговлей, а в защите от внешних врагов первостепенную роль играл военный флот. Боевые галеры византийцев, благодаря техническим усовершенствованиям, особенно изобретению греческого огня и косою паруса, значительно превосходили военные суда многих других средневековых государств⁶².

В византиноведческой литературе сравнительно долгое время оживленно дебатировался вопрос о том, имел ли место в Византии континуитет античного и средневекового города или между ними существовала цезура. Иными словами, спор шел о том, был ли византийский город прямым наследником и продолжателем традиций позднеантичного города, или новым феодальным общественным организмом⁶³. В решении этого спорного вопроса, на наш взгляд, надо идти средним путем и воздерживаться от крайностей: не следует как преувеличивать степень упадка византийских городов в VII—VIII вв., так и отрицать этот упадок. В Византии в эти столетия бесспорно сохранялись крупные городские центры, унаследованные от античной эпохи, но также росли и новые средневековые города. Они возникали или на месте разрушенных и захиревших античных городов, или на вновь освоенных территориях. Постепенно менялся и внешний облик византийского города. При сохранении в основном его стройной планировки, с прямыми улицами, богатыми общественными зданиями, домами античного типа, появляются средневековые укрепленные жилища, а административной единицей города становится приход, группирующийся вокруг церкви⁶⁴.

Думается, что ныне доказано, что византийский город времени «Книги Эпарха» был во многом уже новым феодальным городом, хотя и сохранял античные традиции.

античной городской собственности в Византии IV—VII вв. — ВВ, 35, 1973, стр. 19—32; *C. Dietrich*. Die byzantinische Stadt im VI. Jahrhundert. München, 1969; *H. W. Haussig*. Die byzantinische Stadt. — «Südosteuropa-Jahrbuch», 8. Bd., 1968, S. 35—42.

⁶¹ *O. Maull*. Der Einfluss geographischer Faktoren auf die Geschichte der byzantinischen Reiches. — «Südost-Forschungen», XXI, 1962, S. 1—21. А. П. Каждан считает, что Византия оставалась морской державой лишь в ранний период. (ВВ, XXVI, 1965, стр. 282—283).

⁶² *H. Ahrweiler*. Byzance et la Mer. Paris, 1966, p. 87; ср. *H. Antoniadis-Bibicou*. Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du «thème de Caravisiens». Paris, 1966.

⁶³ Теория непрерывной эволюции городов развивается в работах: *G. Ostrogorsky*. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. — DOP, 13, 1959, p. 47—66; *V. Velkov*. Das Schicksal der antiken Städte den Ostbalkanländer (Vortrag). — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», 1963, № 7/8, S. 839—843; ср. *F. Dölger*. Περὶ πόλεως. Ettal, 1961, S. 63; *М. Я. Сюсюмов*. Византийский город (середина VII — середина IX вв.). — ВВ, XXVII, 1967, стр. 38—70. С концепцией об упадке городов, выразившемся в ухудшении техники ремесленного производства и сокращении денежного обращения, выступил А. П. Каждан; см.: *А. П. Каждан*. Византийские города в VII—XI вв. — СА, XXI, 1954; *его же*. Деревня и город в Византии, стр. 260—273. Стронниками этой концепции являются также *Е. Кирстен*, *Д. Закитинос*, *П. Харанис* и др.; см. *Е. Kirsten*. Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internat. Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 19—48; *D. Zakynthinos*. Le despotat grec de Morée, vol. II, p. 169 sq.; *P. Charanis*. The Significance of Coins as Evidence for the History of Athens and Corinth in the VIIth—VIIIth Centuries. — «History», 4, 1955, p. 169; *Ph. Grierson*. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 498—с. 1090. — «Settimane di Studio del Centro Italiano di studi sull'alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 446. Дискуссия по проблемам истории города освещена в кн. *З. В. Удальцова*. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 200—215.

⁶⁴ *A. Kriesis*. Greek Town Building. Athens, 1965.

Дезурбанизация, происшедшая в империи в VII — начале IX в., ощущалась в Византии не только слабее, чем на Западе ⁶⁵: византийские города, пережив известный упадок, раньше чем города Западной Европы вновь вступили в полосу экономического процветания.

Подъем византийских городов, начавшийся в IX в., достиг апогея в XI—XII вв., причем охватил не только столицу, но и некоторые провинциальные городские центры. Византийское мореходство и торговля, несмотря на конкуренцию арабов и норманов, все еще продолжали играть главенствующую роль в бассейне Средиземного моря. Вплоть до XII в. экономическое превосходство Византии над другими европейскими странами было бесспорным.

Причины своеобразного исторического пути византийского города таились в общественных отношениях, длительное время существовавших в Византии. То наследие, которое Византия получила от Поздней Римской империи и которое не было полностью разрушено в бурях VII в., как это ни парадоксально, сперва было мощным стимулом расцвета городов и помогало в раннее средневековье сохранению их экономического превосходства над городами Западной Европы.

Так, например, унаследованные от античности и в какой-то мере береженные в Византии традиции ремесленного производства, его высокая техника, секреты и навыки мастерства ремесленников в этот период давали византийскому городу весьма немаловажные преимущества по сравнению с городами других стран Европы. Государственная регламентация при наличии сильной централизованной власти до известного времени помогала расцвету городского ремесла и торговли. Поддержка государства обеспечивала торговую монополию цехов, защиту ремесленных корпораций от конкуренции внецехового ремесла, обилие богатых заказов императорской семьи и двора, армии, константинопольской знати, безопасность в городах и на морских и сухопутных путях империи.

Итак, важным типологическим отличием Византии от большинства стран Западной Европы было сохранение в более значительных масштабах, чем на Западе, городов и интенсивной городской жизни еще в эпоху генезиса феодализма ⁶⁶. Эта типологическая особенность имела место в Византии некоторое время и в период господства развитого феодального строя.

Коренной перелом в поступательном экономическом развитии Византии произошел в XII в. В XIII—XIV вв. экономическое превосходство переходит, и притом окончательно, к государствам Западной Европы. Решающую роль в этом сыграли различия в судьбах византийских и западноевропейских городов. Именно с XII в. пути экономического развития городов Византии и Западной Европы, в частности Италии, окончательно разошлись. В Западной Европе рост городских центров привел к кардинальным сдвигам во всей экономической жизни феодального общества, а позднее — к зарождению в наиболее передовых странах того времени — в Италии и Нидерландах — раннекапиталистических отношений ⁶⁷. В Византии же расцвет городов оказался недолговечным и не повлек за собой коренной ломки феодальной экономики страны ⁶⁸. Более того, поздневизантийский период (XIII—XV вв.) отмечен постепенным угасанием экономической деятельности городов и упадком их торговых связей ⁶⁹.

⁶⁵ W. G. East. *The Destruction of Cities in the Mediterranean Lands*. Oxford, 1971.

⁶⁶ З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, стр. 23—25.

⁶⁷ Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи. — ВВ, 30, 1969, стр. 3—37.

⁶⁸ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии. — ВВ, XVII, 1960, стр. 5, 14—16; *его же*. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — ВО, 1961, стр. 54 сл.

⁶⁹ В советском византиноведении велись споры о характере экономики поздневизантийского города; см. З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр.

В чем же были причины упадка городов, ремесла и торговли в поздней Византии?

Они крылись в замедленности социально-экономического развития Византии, застое производства, господстве феодалов над городом, подавлении экономики империи иностранным купечеством, чрезвычайно тяжелой для византийского государства внешнеполитической ситуации (борьба против турок и разрыв с Западом).

Если в раннее средневековье такие факторы, как воздействие античного наследия и покровительство государства, способствовали сохранению экономической жизнеспособности городов, то в новых хозяйственных условиях они превратились из стимула в тормоз прогрессивного экономического развития городских центров. Устойчивость античных традиций в структуре и организации ремесленного производства мешала введению технических новшеств, а главное — переходу к новой, мануфактурной стадии развития.

Точно также и государственная опека над ремеслом и торговлей из поддержки превратилась в преграду качественного прогресса византийского ремесленного производства. Государственная помощь покупалась дорогой ценой потери торгово-ремесленными корпорациями самостоятельности и инициативы. Византийские корпорации с течением времени стали все острее ощущать сковывающее воздействие докучливой государственной регламентации. Возвращенное в условиях исключительной привилегированности, византийское ремесло, потеряв в поздней Византии поддержку государства, не обнаружило достаточной внутренней жизнеспособности, чтобы устоять и перейти на более высокую, мануфактурную стадию развития⁷⁰.

В то время как на Западе разложение цехового строя было связано с переходом к более высокой ступени организации производства, в Византии корпоративное устройство стало разлагаться, когда еще не появились условия для развития мануфактуры. Византийское ремесло чахло, будучи не в состоянии выдержать конкуренцию итальянцев, в первую очередь венецианцев и генуэзцев, и не только из-за того, что последним в этот период покровительствовало византийское правительство (освобождение от налогов, предоставление факторий и разнообразных привилегий), но главным образом потому, что расцвет мануфактур в Италии обеспечил решающее превосходство итальянского ремесленного производства над византийским.

Вопрос о византийской мануфактуре принадлежит к одному из самых сложных и спорных вопросов в экономической истории Византии.

В последние годы в советском византиноведении по этой проблеме развернулась оживленная полемика. И. П. Медведев категорически отрицает наличие мануфактуры в поздней Византии. Он придерживается мне-

211—212. Некоторые ученые полагали, что в этот период город переживал полосу упадка, и отрицали наличие каких-либо предкапиталистических элементов в городской экономике; см. *Б. Т. Горянов*. Поздневизантийский феодализм. М., 1961, стр. 241—303, 379—381; *Г. Л. Курбатов*, *В. И. Рутенбург*. Зилоты и чомпи, стр. 14—18; *E. Kirsten*. Die byzantinische Stadt, S. 40—41; *V. Hrochová*. Byzantiska města ve 13—15 století. Praha, 1967.

Другие исследователи считают, что раннекапиталистические отношения в основном пробивали себе путь в деревне или в сфере купеческого капитала, а порою связывают их появление с ростом иноземного влияния; см. *З. В. Удальцова*, *А. П. Каждан*. Некоторые нерешенные вопросы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, 10, стр. 93—96; *М. Я. Сюзюмов*. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии, стр. 58—62.

⁷⁰ *З. В. Удальцова*. Своеобразие общественного развития Византийской империи, стр. 309—311. О корпорациях в Поздней Византии см.: *P. Charanis*. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and later. — BS, 12, 1951; *E. Francés*. La disparition des corporations byzantines. — «Actes du XIIe Congrès International d'études Byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 93—101; *S. Vryonis*. Byzantine Δημοκρατία and the Guilds in the eleventh century. — DOP, XVII, 1963, p. 287—314.

ния о типично средневековом характере ремесленного производства в городах той эпохи. Лишь в некоторых центрах, связанных с добывающей промышленностью (горное дело, добыча квасцов), могли возникать материальные предпосылки для появления мануфактур на ранней стадии их развития ⁷¹. Аналогичные взгляды высказывала Р. А. Наследова и другие ученые ⁷². Иного мнения придерживаются М. Я. Сюзюмов и В. А. Сметанин. Они полагают, что мануфактуры в зачаточном виде появились в Византии в XIII в., что подтверждается, по их мнению, данными труда византийского писателя Феодора Скутариота. В частности мануфактурные методы организации труда применялись в государственных мастерских, особенно в таких, которые изготовляли оружие. Эти исследователи выдвигают гипотезу о зарождении рассеянной мануфактуры в Поздней Византии на базе итальянской торговли.

Венецианские источники, в частности знаменитая «Книга счетов» венецианского купца Джакомо Бадозера, составленная во время его пребывания в Константинополе с торговыми целями в 1436—1440 гг., позволяют, как кажется, говорить о том, что венецианские торговцы нередко выступали в роли посредников закупки сырья и затем передавали это сырье (в частности, лен) местным ремесленникам. М. Я. Сюзюмов и В. А. Сметанин усматривают в таком венецианском купце торговца-скупщика, который снабжает сырьем экономически зависимых от него наемных работников ⁷³.

Думается, что дальнейшее изучение всей совокупности данных о ремесленном производстве Поздней Византии может пролить дополнительный свет на проблему мануфактуры в Византии. Пока же вопрос остается нерешенным. Ясно лишь одно, что мануфактурное производство в Византии, если оно и существовало, то только в зачаточном виде и ни в какой мере не могло конкурировать с мануфактурным производством Западной Европы, в частности Италии. В последний период своего существования Византия теряла гегемонию не только в ремесленном производстве, но и былую монополию в посреднической торговле между Востоком и Западом, переходившую в руки венецианских и генуэзских купцов. Разгадку резкого сокращения масштабов и изменения характера торговли в Поздней Византии надо также, на наш взгляд, искать в двух взаимосвязанных явлениях — в отставании ремесленного производства и в господстве феодалов в поздневизантийском городе.

Правда, быть может, не следует слишком преувеличивать масштабы упадка византийской торговли в последние столетия существования империи. Однако изменения характера этой торговли ощущаются совершенно явно. Симптоматично, что итальянские купцы преобладали в международной торговле. В их руки все больше переходила роль посредников в торговых отношениях между Востоком и Западом. Греки же теснее были связаны с розничной торговлей, ограниченной Константинополем и его окрестностями. С внешним миром они сносились, как правило, через иностранных, преимущественно итальянских, купцов ⁷⁴. Своеобразие

⁷¹ И. П. Медведев. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: «В. И. Ленин и проблемы истории». Л., 1970, стр. 391—408.

⁷² Р. А. Наследова. Города, ремесло и торговля в Поздней Византии (XIII—XV вв.). — В кн.: «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 109—122.

⁷³ В. А. Сметанин. О некоторых аспектах социально-экономической структуры поздневизантийского города. — АДСВ, 8, 1972, стр. 108—119; Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1342—1349 гг. — ВВ, XVII, 1960, стр. 164—165.

⁷⁴ М. М. Шитиков. Константинополь и венецианская торговля, стр. 48—62; его же. Венецианское купечество в первой половине XV в. в его торговых сношениях с Византией. — УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, № 237. История средних веков. М., 1965, стр. 85—137; его же. Из истории венецианско-византийских торговых связей в первой половине XV в. — Автореф. канд. дисс. М., 1965; T. Bertelé. Il Giro d'affari di Giacomo Badoer: precisazioni e deduzioni. — Akten des XI. Internat. Byzant.

исторических судеб византийских городов нашло воплощение еще и в таком историческом явлении, как неравномерность социально-экономического развития отдельных городских центров империи. Наиболее ярко это проявилось в наличии резкого контраста в уровне развития столицы и провинциальных городов.

Византия была страной, где полностью доминировал один ведущий могущественный и богатейший городской центр — столица государства — Константинополь ⁷⁵.

Огромный, хорошо укрепленный город, с многочисленным населением ⁷⁶, украшенный великолепными дворцами и храмами, крупнейший морской порт Средиземноморья, посещаемый купцами из отдаленных стран мира, Константинополь никогда не терял своего экономического могущества. Город изнеженной праздности и неутомимого труда, средоточие неограниченной власти и арена социальных битв, резиденция императоров, вельмож, бюрократии и пристанище пестрой городской толпы, центр православия и очаг античной культуры, Константинополь являл собой пример поразительных социальных контрастов. По своему политическому и экономическому значению, по своей роли в истории византийской культуры Константинополь мог сравниться лишь с императорским Римом времен его расцвета.

Такое гипертрофированное развитие столицы империи, связанное с сохранением централизованного государства, имело свои положительные и отрицательные последствия для экономической жизни империи. С одной стороны, оно стимулировало развитие ремесла и торговли как в самом Константинополе и его пригородах, так и в других городах империи. Но с другой стороны, оно в какой-то степени подавляло внутренний экономический рост провинциальных городских центров византийской державы. Между Константинополем и другими городами никогда не утихала острая конкуренция и постоянное соперничество в экономической сфере. В этой борьбе можно наметить периоды подъема и временного спада экономической активности Константинополя. В первые столетия исторической жизни Византии Константинополь разрастался и укреплял свое могущество, как столица византийского государства. Но в это время он знал опасных соперников в лице прославленных городов Востока — Александрии, Антиохии, Бейрута и многих других. С потерей восточных провинций и по мере ослабления провинциальных городских центров Константинополь окончательно занял главенствующее положение среди всех городов империи как в сфере экономики, так политики и культуры.

Начавшийся в XII в. процесс перемещения экономической активности из столицы в провинциальные города империи хотя временно и ослабил столицу, но так и не получил своего завершения в поздней Византии. Константинополь и в этот период был главным средоточием экономической и политической жизни страны, хотя наряду с ним все большее и большее значение приобретают и другие городские центры ⁷⁷.

tinisten-Kongress». München, 1960, S. 56; K.-P. Matschke. Zum Charakter des byzantinischen Schwarzmeerhandels im 13. bis 15. Jahrhundert. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx-Universität», Leipzig, Gesellsch. und Sprachwiss. Reihe. 19, 1970, H. 3, S. 447—458.

⁷⁵ R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1964, H.-G. Beck. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. — BZ, 58, 1965, S. 11—45.

⁷⁶ О численности населения Константинополя см.: D. Jacoby. La population de Constantinople à l'époque byzantine. — Byz., XXXI, 1961, J. L. Teall. The Grain Supply of the Byzantine Empire. — DOP, 13, 1959, p. 330—335; A. M. Schneider. Die Bevölkerung Konstantinopels im XV. Jahrhundert. Göttingen, 1949.

⁷⁷ И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973; *его же*. Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона. — ВВ, 34, 1973, стр. 88—96; С. П. Карпов. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. — ВВ, 35, 1973, стр. 154—164; *его же*. Сочинения Никиты Хониата как источник по истории Трапезундской империи. — В кн.: «Сборник научных работ аспирантов Исторического факультета. Проблемы всеобщей истории» (3). М., 1971, стр. 133—156.

В XIV — половине XV вв. Константинополь все еще оставался не только крупным центром потребления, но и пунктом оживленной транзитной торговли, хотя роль его как мирового рынка, «золотого моста» между Востоком и Западом заметно упала. Этому способствовало и постоянное соперничество между Константинополем и провинциальными городами империи (Фессалоника, Мистра, Монемвасия, Патры, Коринф, венецианские Корон и Модон и др.). Некоторые города, такие как Фессалоника и Трапезунд, значительно выиграли от спада экономической активности Константинополя и начали прибирать к рукам транзитную торговлю, шедшую раньше через столицу.

Таким образом Константинополь в XIV—XV вв., сохраняя в известной мере свое торговое значение, утратил функции мирового центра ремесленного производства на экспорт. Итальянское купечество, захватившее ведущие позиции в международной торговле в Константинополе, подчинило своим потребностям и развитие местного ремесла. Для истории византийских городов характерна еще одна весьма важная особенность: это наличие значительного контраста в экономической жизни не только столицы и провинциальных центров, но и городов, расположенных в приморской полосе и во внутренних областях империи. Прибрежные города, связанные с морской торговлей, как правило, развивались много интенсивнее городов центральных районов Балкан и Малой Азии, где они зачастую выполняли прежде всего роль военных укреплений, административных и религиозных центров, а лишь во вторую очередь — центров ремесла и торговли ⁷⁸.

Упадок торговли в поздней Византии является непосредственным результатом негативных явлений в сфере производства, что лишний раз подчеркивает подчиненную по сравнению с производством роль торговли.

Итак, завершая рассмотрение отличительных особенностей византийского города в период развитого феодализма, мы можем прийти к заключению, что общим и главным типологическим отличием империи в сравнении с Западной Европой было затухание экономической активности городов в Поздней Византии и слабое по сравнению со странами Западной Европы развитие в них элементов предкапиталистических отношений. Из других указанных нами особенностей неограниченное господство Константинополя над всеми другими городами империи можно, как кажется, признать типологическим отличием Византии, ибо оно не встречает аналогий в странах Запада. Различие же в уровне развития прибрежных и внутренних городов не является спецификой экономической жизни одной Византии, а сближает Византийскую империю со странами Южной и Юго-Восточной Европы.

Социальная структура византийского общества

В социальной структуре византийского общества также наблюдались существенные типологические отличия от стран Западной Европы и Востока ⁷⁹.

На Западе в эпоху классического Средневековья специфической чертой социальной стратиграфии являлся сословно-корпоративный характер общества с большей или меньшей выраженностью сословных градаций. В жизни средневековой Европы все большее значение приобретали сословные привилегии, сословия превращались в замкнутые социальные ячейки общества, в городах широкое распространение получили цеховые корпоративные организации. Во многих же странах средневекового Востока

⁷⁸ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов, стр. 60.

⁷⁹ G. Ostrogorsky. Observations on the Aristocracy in Byzantium. — DOP, 25, 1971, p. 3—32; H. Ahrweiler. Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. London, 1971; А. П. Каждан. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI—XII вв. Предварительные выводы. — ВЗ, 66, 1973.

господствовала система неограниченной деспотической власти, основанная на всеобщем бесправии сословий и развитой бюрократии.

В Византии на состав и характер господствующего класса оказали решающее влияние три основные типологические особенности социально-экономического и политического развития византийского общества. Важнейшей из них было наличие сильной государственной власти, императора и императорского двора и гипертрофированная роль столицы в экономике и политике страны. Это предопределило чрезвычайно большое место, которое занимала константинопольская знать и высшее чиновничество в структуре господствующего класса империи ⁸⁰.

Вторая типологическая особенность византийского феодализма, выдающаяся роль в жизни империи городов и товарно-денежных отношений, привела к тому, что торгово-ремесленная верхушка византийских городов, в первую очередь Константинополя, также стала важной составной частью господствующего класса.

Византийское правительство нередко опиралось на константинопольскую чиновную аристократию, которая сама постоянно нуждалась в поддержке императора и двора. Доходы от централизованной ренты, высокое жалование, щедрые раздачи и подарки императоров, прибыли от торгово-ремесленной деятельности, обеспечивали экономическое и политическое могущество, известную сословную сплоченность и привилегии столичной знати. Богатая торгово-ремесленная верхушка городов — купцы, владельцы ремесленных мастерских, навклеры — владельцы торговых кораблей — обычно тяготела к константинопольской знати и находилась в орбите ее политического влияния. Столичная чиновная знать в Византии однако не превратилась в замкнутое сословие и представители богатых торгово-ремесленных кругов зачастую пополняли ее ряды ⁸¹.

Третья типологическая особенность византийского феодализма, незавершенность развития вотчинно-сеньориального строя, обусловила относительную слабость византийской провинциальной землевладельческой знати по сравнению с независимыми феодальными магнатами средневекового Запада. В отличие от самовластных феодальных владетелей Европы, византийским динамам так и не удалось расчленить империю на обособленные феодальные мирры ⁸².

Все сказанное отнюдь не исключает постоянной борьбы центробежных и центростремительных тенденций в византийском государстве, усилившейся по мере его феодализации. Недаром вертикальная мобильность византийского общества с особой силой проявлялась в период генезиса феодализма. С конца же XI—XII вв. происходит явная аристократизация господствующего класса, появляются знатные семьи и наследственная аристократия. В этот период ослабевает вертикальная мобильность

⁸⁰ В византиноведческой литературе последних лет много сделано для изучения структуры государственного аппарата и выяснения функций высших чиновников; см. *L. Stiernon. Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Sebaste et Gambros.* — *REB*, 23, 1965, p. 67—79; *R. Guillard. La noblesse byzantine. Remarques.* — *REB*, 24, 1966, p. 40—57; *idem. Recherches sur les institutions byzantines, vol. I.* Berlin-Amsterdam, 1967; *idem. Etudes sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le mystique.* — *REB*, 26, 1968, p. 279—296; *idem. Contribution à la prosopographie de l'empire byzantin. Les patrices byzantines du regne de Constantin IV (668—685) à Théodose III (716—717).* — «*Ελληνικά*», 23, 1970, p. 287—298; *idem. Contribution à la prosopographie de l'empire byzantin. Les Patrices sous les regnes de Basil I (867—886) et de Léon VI (886—918).* — *BZ*, 63, 1970, p. 300—317; *idem. Les Logothètes.* — *REB*, 29, 1971, p. 5—116; *idem. Contribution à la prosopographie de l'empire byzantin. Les Patrices sous le regne de Constantin IX Monomaque (1042—1054).* — *ЗРВИ*, XIII, 1971, p. 1—25.

⁸¹ *H.-G. Beck. Konstantinopel; idem. Senat und Volk von Konstantinopel.* München, 1966; ср. *A. Castagnol. La prosopographie, méthode de recherche sur l'histoire du Bas-Empire.* — «*Annales*», 25, 1970, p. 1229—1235.

⁸² *C. P. Kyrris. The social status of the Archontes of Phanari in Thessaly.* — «*Ελληνικά*», 18, 1964, p. 73—78; *D. J. Polemis. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography* «*University of London. Historical Studies*», XXII. London, 1968.

общества, утверждается принцип родовитости. Перелом в этом отношении начинается с Комнинов⁸³, но аристократизация общества продолжается и при Палеологах⁸⁴.

В то время как на Западе произошло оформление основных сословий общества — духовенства, дворянства и третьего сословия, в Византии этот процесс хотя и начался, но так и остался незавершенным. Политическая история Византии наполнена постоянными столкновениями константинопольской чиновной знати с местными феодальными землевладельцами. Соперничество этих социальных группировок, их смена у власти — зерно всей борьбы внутри господствующего класса империи, порою, правда, принимавшей форму дворцовых переворотов, бунтов провинциальных феодалов или династических заговоров⁸⁵. Это соперничество оказывало известное влияние и на выступления народных масс, как это было, например, во время восстания зилотов в Фессалонике⁸⁶.

Еще одной характерной особенностью господствующего класса империи является его нестабильность, отсутствие замкнутости византийской элиты⁸⁷. Значительно в меньшей степени, чем на Западе, здесь наблюдается сословная и корпоративная обособленность отдельных социальных группировок господствующего класса. Как известно, в ряды константинопольской знати нередко вливались выходцы из торгово-ремесленной верхушки и средних слоев общества, богатые общинники становились крупными феодальными собственниками, чиновная бюрократия пополнялась людьми низкого происхождения.

Известную роль в формировании византийской элиты играли представители различных слоев интеллигенции⁸⁸.

Однако динамика исторического развития и здесь, как и на Западе, шла в сторону увеличения политического влияния и могущества поземельной феодальной аристократии. Вокруг крупных феодалов в поздней Византии группируется своего рода «свита», связанная с ее главой общностью социально-экономических и политических интересов⁸⁹. В даль-

⁸³ А. П. Каждан. Об аристократизации византийского общества в VIII—XII вв. — ЗРВИ, XI, 1968, стр. 47—55; *его же*. Загадка Комнинов (Опыт историографии). — ВВ, XXV, 1964, стр. 53—98; А. Hohlweg. Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen («Miscellanea Byzantina Monacensia», H. 1). München, 1965.

⁸⁴ Аристократизацию византийского общества особенно при Палеологах признает и американский ученый П. Харанис. Однако он считает, что рост династической собственности являлся результатом законодательной деятельности императоров, а не объективных социально-экономических процессов. Экономическое могущество византийской аристократии основывалось, по мнению этого историка, главным образом на императорских земельных пожалованиях; см. P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium. — «Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson». Princeton, 1951, p. 337 sq.; ср. «Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert». Wiesbaden, 1969; A. Bon. La Morée Franque. Paris, 1969; D. Jacoby. Les archontes et la féodalité en Morée Franque. — «Travaux et mémoires», II. Paris, 1967, p. 421—482; *idem*. La féodalité en Grèce médiévale. Les «Assises de Romanie». Paris, 1971.

⁸⁵ Э. В. Удальцова. Своеобразие общественного развития Византийской империи, стр. 312.

⁸⁶ G. de Malafosse. Gouvernés et gouvernants dans l'histoire de Byzance. — «Gouvernés et Gouvernants. Recueil de la Société Jean Bodin», 23, 2e partie, 1968, p. 259—270; C. P. Kyrris. Gouvernés et gouvernants à Byzance pendant la révolution des Zélotés (1341—1350). — «Gouvernés et Gouvernants», 2e partie, p. 271—330; K. P. Matschke. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971.

⁸⁷ H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 13 f.; см. также: А. П. Каждан, М. А. Заборов. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии (конец XI—XII в.). — ВВ, 32, 1971, стр. 49—50; об особой категории господствующего класса — придворных евнухах см. А. П. Каждан. Состав господствующего класса в Византии XI—XII вв., ч. VI. Евнухи. — АДСВ, 10, 1973, стр. 184—194.

⁸⁸ В. Lourdas. Intellectuals, scholars and bureaucrats in the byzantine society. — «Κληρονομία», 2, 1970, p. 242—273.

⁸⁹ G. Weiss. Ioannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch. — «Gesellschaftsentwicklung von Byzanz», S. 5—8; в этой книге немецкий ученый дела-

нейших исследованиях ученым предстоит выяснить сходство и отличие этих объединений византийских феодалов и вассально-ленной системы Западной Европы.

Организация государственной власти

В отношении организации государственной власти, как известно, средневековая Европа не представляла собой какого-либо единства. Формы государственного устройства, существовавшие в странах Западной Европы, сильно варьировались. Эволюция государственных структур шла от варварских государств через феодальную раздробленность, полную или частичную, к сословнопредставительным монархиям централизованного типа (Англия, Франция, Испания, Скандинавские страны) или к системе территориальных княжеств (Германия) и городов-государств (Италия).

Византия же в течение всей своей тысячелетней истории по политической структуре представляла собой самодержавную монархию⁹⁰. Наибольшего расцвета государственная централизация достигла в ранней Византии⁹¹, что представляло особенно яркий контраст с распадающейся на обособленные варварские королевства Западной Европой. Несколькo ослабевшая в период генезиса феодализма централизация византийского государства вновь упрочилась в эпоху классического средневековья. Именно в это время происходит кристаллизация всех форм государственности. Византия в эту эпоху была уже не мировой монархией, а средневековым феодальным государством, но с сильной центральной властью и разветвленным бюрократическим аппаратом⁹². Разумеется, в истории Византии не раз обнаруживались тенденции к политическому разобщению страны. Однако, за исключением последнего этапа своего существования, государство ромеев оставалось централизованным.

В Византии господствовал теократический принцип императорской власти: власть василевса считалась дарованной богом, она не была ограничена никакими условиями, никаким «общественным договором»⁹³. Именно в Византии окончательно сложилось и получило теоретическое осмысление господствующее в средние века учение о монархическом государстве. Христианская церковь в Византии обосновала теорию божественного происхождения императорской власти, дав религиозную санкцию

ет попытку показать характер свиты крупного византийского аристократа и императора Иоанна Кантакузина и описать структуру «дома» этого выдающегося представителя правящей феодальной элиты империи. Ср. *D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakouzenos (1100—1460)*. Washington, 1968.

⁹⁰ *H. A. Скабалланович. Византийское государство и церковь в XI в.* СПб., 1884; *D. Zakythinos. Etatism byzantin et expérience hellénistique.* — «Melangé H. Grégoire», 2, 1950; *idem. Etats-Sociétés-Cultures. En guise d'introduction.* — «Art et société à Byzance sous les Paléologues». Venise, 1971; *A. П. Каждан. О социальной природе византийского самодержавия.* — «Народы Азии и Африки», 1966, № 6, стр. 52—54.

⁹¹ *J. Karayannopoulos. Der frühbyzantinische Kaiser.* — BZ, 49, 1956, S. 369—384.

⁹² *H. Glykatzis-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin*, p. 63—70; ср. *D. Zakythinos. Byzance et les peuples de l'Europe du Sud-Est. La synthèse byzantine.* — «Actes du Ier Congrès International des études Balkaniques et Sud-Est européennes», III. Sofia, 1969, p. 12—13. Автор признает полиэтнический характер только «протовизантийской» империи. Позднее в результате симбиоза цивилизаций выковывается «византийская национальность». Д. Закинос без достаточных оснований включает все государства Юго-Восточной Европы в круг так называемых «национальных византийских цивилизаций».

⁹³ *D. Zakythinos. Byzance et les peuples*, p. 12—13. Автор полагает, что трансформация языческой Римской империи в христианскую Византийскую приводит к изменениям политической теории императорской власти. В IV в. «монархическая идея вступает в новый этап своего мирового развития. От концепции императора-бога приходит к концепции императора милостью бога. Автократор отныне будет подражанием (μίμνη) и служителем (ὑπαρχος), через посредство которого бог управляет делами людей». Ср. *J. E. Karayannopoulos. Ἡ πολιτική θεωρία τῶν βυζαντινῶν.* — «Βυζαντινά», 2, 1970, σελ. 36—62.

неограниченной христианской монархии⁹⁴. В теоретическом оформлении учения об автократии важную роль сыграло унаследованное от Поздней Римской империи обожествление личности императора⁹⁵, а также философско-политические концепции абсолютной власти, воспринятые Византией от восточных народов.

В средневековой Византии однако еще долго сохранялись рудименты античных представлений о верховной власти в виде избрания василевса синклитом и войском и фикция его избрания народом⁹⁶. Императорская власть не являлась привилегией того или иного аристократического рода и не передавалась по наследству. Теоретически беспредельная, власть византийского государя нередко оказывалась фактически ограниченной, а самодержавные василевсы на деле были игрушкой борющихся социальных группировок. Со временем власть василевса, скованная торжественным этикетом и рутиной общественных традиций, как в теории так и в жизни все больше отрывалась от общества, все выше поднималась над народом. Реальная же власть василевсов все более сокращалась. Если в ранней Византии император в действительности был неограниченным правителем, то в поздневизантийский период василевсы сохранили лишь тень былого могущества⁹⁷.

Ту же эволюцию претерпела идея Византии как всемирной монархии. По мере ослабления Византийской империи представление о Византии как о главе иерархии государств, находившихся от нее в различной степени вассальной зависимости, трансформировалось из политической реальности в политическую фикцию.

Итак, ни в одной другой сфере общественной жизни типологическое отличие Византии от Запада не бросается так явно в глаза, как в сфере организации государственной власти.

⁹⁴ W. Ohnsorge. Das Zweikaiserproblem in im früheren Mittelalter. Die Bedeutung des byzantinischen Reiches für die Entwicklung der Staatsidee in Europa. Hildesheim, 1947; F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953; O. Treitinger. Die oströmische Kaiser und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmstadt, 1953.

⁹⁵ St. Harkianakis. Die Stellung des Kaiser in der byzantinischen Geistigkeit, dogmatisch gesehen. — «Βυζαντινά», 3, 1971, S. 43—52; H. Hunger. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964; автор этой работы полагает, что в преамбулах к официальным документам, в частности актам, часто находила выражение политическая теория императорской власти в Византии. Это — теория власти, как ее себе представляли сами византийские василевсы. Теория императорской власти освещалась в четырех аспектах: император в отношении с богом (как представитель бога, его подражатель и сын), император и его подданные (василевс — покровитель, пастырь своей паствы), император-законодатель (реформатор, судья, живой закон, мера права и порядка), император-спаситель. Византийская политическая теория государственной власти имела известное распространение у соседних народов: см. D. Anguélou. Affermissement et fondement idéologiques du pouvoir royal en Bulgarie médiévale. — «Βυζαντινά», 3, 1971, p. 15—28; V. Beševliev. Die Kaiseridee bei den Protobulgaren. — «Βυζαντινά», 3, 1971, S. 81—92; V. Tapkova-Zaimova. L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare. — «Βυζαντινά», 3, 1971, p. 287—296.

⁹⁶ H.-G. Beck. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. München, 1970; *idem*. Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinischen Staat. — BZ, 53, 1960, S. 86—94.

⁹⁷ F. Dölger. Die Familie der Könige im Mittelalter. — «Byzanz und die europäische Staatenwelt». Darmstadt, 1964, S. 34—69; Вопрос о том, находилась ли Россия в вассальной зависимости от Византии, длительное время дебатруется в византиноведческой науке; см. G. Ostrogorsky. Die byzantinische Staatenhierarchie. — «Seminarium Kondakovianum», VIII, 1936; *idem*. The byzantine emperor and the hierarchical order. — «Slavonic Review», 1956, p. 1—14. В последнее время он был вновь поднят в докладах Г. А. Острогорского и Д. Д. Оболенского на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве; см. К. А. Осипова. Византиноведение на XIII Международном конгрессе исторических наук. — ВВ, 33, 1972, стр. 252—254; T. Wasilewsky. Die Stellung des russischen Staates in der byzantinischen Welt im hohen Mittelalter. — «Acta Poloniae Historica», 22, 1970, S. 43—51; И. П. Медведев. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств). — В кн.: «Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле». Л., 1972, стр. 415—416.